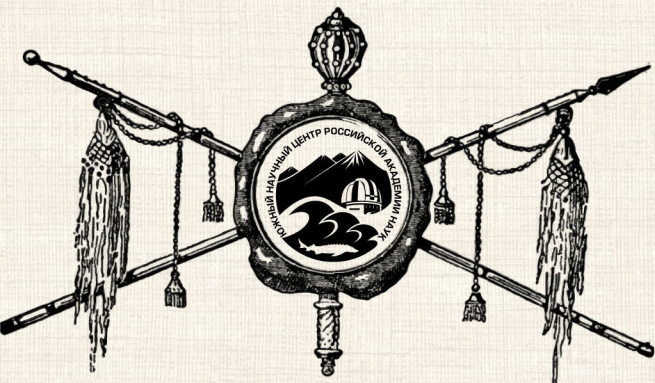

Июль – Сентябрь
July – September

2025

Научный журнал **Том 1 / Номер 3**
КАЗАКОВЕДЕНИЕ

Scientific journal "Kazakovedenie" **Vol. 1 / No. 3**

ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ЮЖНЫЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК» (ЮНЦ РАН)

Научный журнал
КАЗАКОВЕДЕНИЕ
(16+)

Сетевое издание

Том 1. № 3
2025

Основан в 2024 г.
Выходит 4 раза в год

Главный редактор:
Матишов Геннадий Григорьевич, академик РАН

Редакционная коллегия:

Баранов Андрей Владимирович, д.и.н. (Краснодар)
Бритвин Николай Николаевич, общественный деятель, генерал-полковник (Ростов-на-Дону)
Венков Андрей Вадимович, д.и.н. (заместитель главного редактора) (Ростов-на-Дону)
Волвенко Алексей Александрович, к.и.н. (Таганрог)
Колесников Владимир Александрович, к.и.н. (Ставрополь)
Колесникова Марина Евгеньевна, д.и.н. (Ставрополь)
Лукьяшко Сергей Иванович, д.и.н. (Ростов-на-Дону)
Малов Александр Витальевич, к.и.н. (Москва)
Матвеев Олег Владимирович, д.и.н. (Краснодар)
Матвеева Наталья Сергеевна, к.и.н. (Москва)
Мининков Николай Александрович, д.и.н. (Ростов-на-Дону)
Очиров Уташ Борисович, д.и.н. (Элиста)
Панкова-Козочкина Татьяна Викторовна, д.и.н. (Новочеркасск)
Ратушняк Олег Валерьевич, д.и.н. (Краснодар)
Рвачева Ольга Владимировна, д.и.н. (Волгоград)
Рыблова Марина Александровна, д.и.н. (Волгоград)
Сень Дмитрий Владимирович, д.и.н. (Ростов-на-Дону)
Скорик Александр Павлович, д.и.н., д.филос.н. (Новочеркасск)
Тюменцев Игорь Олегович, д.и.н. (Волгоград)
Худобородов Александр Леонидович, д.и.н. (Оренбург)
Шадрина Алла Валерьевна, д.и.н. (Ростов-на-Дону)
Яровой Андрей Викторович, д.филос.н., к.соц.н. (Зерноград)
Бевза Татьяна Гарриевна (ответственный секретарь) (Ростов-на-Дону)

Утвержден ученым советом ЮНЦ РАН

Издание осуществляется при поддержке ЮНЦ РАН (Ростов-на-Дону)

Сетевое издание «Научный журнал "Казаковедение"»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-88811 от 02 декабря 2024 г.

Адрес редакции: 344006, Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41; e-mail: kazak@ssc-ras.ru
Адрес сайта: <http://kazak.ssc-ras.ru>

ИСТОРИКИ-КАЗАКОВЕДЫ

УДК 929

ИСТОРИК-КАЗАКОВЕД А.И. КОЗЛОВ (К 95-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

© 2025 г. А.П. Скорик

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова
(Новочеркасск, Россия)

Аннотация. В текущем году исполнилось 95 лет со дня рождения доктора исторических наук, профессора, действительного члена Академии военных наук, заслуженного деятеля науки Российской Федерации Александра Ивановича Козлова (18 марта 1930 г. – 18 января 2009 г.). Его перу принадлежат свыше 250 научных работ, а научное творчество достаточно многопланово: в нем соединяются различные ответвления и сюжеты, которые непосредственно связаны и с фактами его биографии, и с процессом развития российской исторической науки, и с процессом личностного переосмысления целого ряда историко-научных проблем в условиях социальных перемен. Однако есть одна объединяющая тема в научных изысканиях Александра Ивановича – это история казачества, что и позволяет отнести его к плеяде выдающихся историков-казакведов, ведь он не только сам пришел к этому научному дискурсу, но и увлек за собой множество молодых исследователей, выступая в качестве талантливого организатора науки. Он был ярким педагогом, человеком с обостренным чувством гражданственности, с волевым характером, и его судьба нередко делала крутые виражи, без чего также невозможно воспринимать личность крупного ученого.

Ключевые слова: декан исторического факультета, диссертация, исследовательская траектория, исторические личности, казачество, «казахы» конференции, научная школа, Октябрьская революция, рассказывание, М.А. Шолохов.

THE COSSACK HISTORIAN A.I. KOZLOV (FOR THE 95TH ANNIVERSARY OF HIS BIRTH)

A.P. Skorik

Platov South Russian State Polytechnic University (NPI) (Novocherkassk, Russia)

Abstract. This year marks the 95th anniversary of the birth of Alexander Ivanovich Kozlov, Doctor of Historical Sciences, Professor, full member of the Academy of Military Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation (March 18, 1930 – January 18, 2009). He wrote over 250 scientific papers, and his scientific work is quite multifaceted: it combines various branches and plots that are directly related to the facts of his biography, the process of development of Russian historical science, and the process of personal rethinking of a number of historical and scientific problems in the context of social change. However, there is one unifying theme in Alexander Ivanovich's scientific research – the history of the Cossacks, which makes it possible to attribute him to the galaxy of outstanding Cossack historians, because he not only came to this scientific discourse himself, but also attracted many young researchers, acting as a talented organizer of science. He was a bright teacher, a man with a keen sense of citizenship, with a strong-willed character, and his fate often took sharp turns, without which, alas, it is also impossible to perceive the personality of a major scientist.

Keywords: Dean of the Faculty of History, dissertation, research trajectory, historical figures, Cossacks, "Cossack" conferences, scientific school, October Revolution, Raskazachivanie, M.A. Sholokhov.

Начало научного творчества А.И. Козлова связано с поступлением в аспирантуру Ростовского государственного университета в 1962 г., и оно лишь косвенно касалось истории казачества. Он успешно защитил в 1965 г. кандидатскую диссертацию на тему «Борьба за власть Советов в Черноморской губернии (1917–1920 гг.)» [1], хотя ему затем пришлось долго противостоять жалобам и прямой клевете невежд, сделавших свою научную карьеру на борьбе с «врагами народа». Многочисленные комиссии ВАК и партийных органов раз за разом вынужденно признавали правоту молодого ученого. Заметим, в целом кандидатская диссертация была выдержана в духе той исторической эпохи, когда большая страна приближалась к празднованию 50-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. По-другому и быть не могло, но как историк Александр Иванович со временем заметно эволюционировал в своей исследовательской научной траектории.

Временной масштаб переосмысления исторической проблематики у А.И. Козлова не только велик с точки зрения его активной научной деятельности, охватывающей свыше 45 лет, но и трансформации личностного отношения к казачьей тематике. Скажем, если в первые годы своих научных изысканий он четко и однозначно писал о деникинцах как составной части враждебного советской власти Белого движения, то в 2004 г. выходит его монография об А.И. Деникине [2]. И мы находим в этом обстоятельном исследовании А.И. Козлова новую постановку вопроса в начале XXI в. о политическом и полководческом наследии русского генерала А.И. Деникина, что побудило нас подготовить и опубликовать специальную рецензию на монографию Александра Ивановича [3]. Образ прежнего «царя Антона» сменяется в исследовании Козлова иным личностным образом. В монографии мы видим выдающегося генерала русской армии, участника Русско-японской и Великой войны 1914–1917 гг., одного из лидеров Белого движения в России 1918–1920 гг.

В книге замечательно раскрывается эмоционально-чувственный внутренний мир А.И. Деникина. Автор тонко сумел подметить и весьма кстати прописать в тексте целый ряд симптоматичных фабул, выражений, фраз, отражающих бытие и иллюстрирующих движения души русского генерала. Взять хотя бы его эпистолярно-показательную фразу: «Еду в великолепную санаторию – свою дивизию» [2, с. 104]. Или в письмах к К.В. Чиж: «Я не хочу врываться непрошеным в Ваш внутренний мир» [2, с. 109]; «Я же, обычно замкнутый, недоверчивый, немножко отравленный анализом, я изменил себе, открыв Вам душу» [2, с. 111]; «Пробивая себе дорогу в жизни, я испытал и неудачи, разочарования, и успех, большой успех. Одного только не было – счастья. И как-то даже приучил себя к мысли, что счастье – это нечто нереальное, призрак. И вот вдали мелькнуло. Если только Бог даст дней. Надеюсь...» [2, с. 112]. Это всего лишь небольшая толика эмоционально-чувственных красок, профессионально добавленных к историческому портрету русского полководца.

Книга А.И. Козлова, безусловно, является инновационным научным дискурсом в новейшей российской исторической науке. Автор удачно находит и занимает свою исследовательскую нишу в многосторонней и обстоятельной интерпретации биографических и иных материалов, опосредованных профессиональной деятельностью известного военного аналитика и русского полководца начала XX в. А.И. Деникина. Александр Иванович представил научной общественности и довольно широкому кругу любителей исторических повествований систему оригинальных взглядов классика военной мысли и военного интеллигента, фронтового офицера и управленца, политика и человека на традиционно изучаемые российскими историками

проблемы. Так, в общем-то, фрагментарный сюжет, связывающий установление советской власти, казачество и военных лидеров исторической эпохи, постепенно перерос в научном творчестве А.И. Козлова в солидное исследование.

Впервые Александр Иванович основательно подходит к рассмотрению казачьей тематики в фундаментальной монографии о социально-экономических отношениях на Дону и Северном Кавказе на рубеже XIX–XX вв., а затем в подготовленной уже на ее основе докторской диссертации «Социально-экономические, политические отношения и классовая борьба на юго-востоке Европейской России накануне Октября» [4], защищенной в 1978 г. Логическое обоснование исторической справедливости победы большевиков является ключевым сюжетом для научных изысканий А.И. Козлова. Он нисколько не сомневается в исторической необходимости и неизбежности разгрома Рабоче-крестьянской Красной армией войсковых объединений под командованием А.И. Деникина и П.Н. Краснова, значительную часть которых (или полностью) составляло казачество.

В докторской диссертации казачество у А.И. Козлова предстает как крестьянство особого рода, детально выясняются особенности хозяйственно-бытового облика казачества и внимание сосредотачивается на сословных привилегиях. Причем, ученым проводится четкая разграничительная линия между казаками-бедняками, казаками-середняками и казачьими верхами. В диссертации утверждается, что объемом сословных привилегий у казаков нарастал прямо пропорционально занимаемой нише в социальной лестнице, то есть, если бедняки практически их не имели, а середняки держались за свой земельный пай, то наиболее богатая часть казаков широко использовали сословные привилегии и получали от царского политического режима максимум преференций. Средняк, как подчеркивал А.И. Козлов, хотел бы освободиться от военно-полицейских обязанностей, но «при обязательном условии, если это не повлечет за собой ликвидации всего остального из привилегий, и в первую очередь... права на земельный пай» [5, с. 127]. По мнению Александра Ивановича, изначальную двойственную социальную позицию казаков-середняков (составлявших основную массу казачества) задействовали в своих интересах казачьи верхи. Именно это обстоятельство в значительной мере предопределяло социально-классовую ситуацию в казачьих районах, когда большая часть казачества очень долго блуждала в обозе чуждых ему по природе социально-классовых сил. Поэтому политическая борьба между противостоящими сторонами за середняка имела особенно большое значение в Юго-Восточном регионе европейской части России.

Таким образом, казачество концептуально в рамках материалистического понимания истории представало в исторической науке неким социальным аутсайдером, разделяющим идеалы негативизма в отношении социализма и большевизма. Нам представляется, что, несмотря на такую теоретико-методологическую позицию, А.И. Козлов был далек от мысли однозначно интерпретировать казачество лишь в качестве исторического «лузера». Его накопленный фундаментальный научный багаж, богатый жизненный опыт и журналистское, безупречное владение словом и пером никак не выводили на данную исследовательскую траекторию. Тем не менее он какое-то время все же лично разделял идеалы позитивности массовых общественных деяний деструктивного типа.

Руководствуясь своими избранными для проведения исследования теоретико-методологическими постулатами, А.И. Козлов старался привлечь исторические факты, обосновать их значимость и репрезентативность, ибо достоверность историче-

ских фактов позволяет сформировать научные суждения об исторических событиях, из которых складывается исторический процесс развития казачества во второй половине XIX – первых двух десятилетиях XX в. Тем самым, он исходил из того, что исторический факт несет в себе и практическое знание, и теоретическую нагрузку, поскольку непременно восполняет пробел в историческом знании, закрывает очередную лакуну в исторических исследованиях. В результате складываются исторические картины, представляющие собой новое историческое знание, в том числе и о казачестве, к достижению которого стремится каждый исследователь. Без приращения нового исторического знания, как считал Александр Иванович, история будет постепенно заполняться историческими мифами и стереотипами, суждениями недобросовестных литераторов и обывателей, вроде, например, тех, которые подают всю советскую эпоху исключительно как историческое время всеобъемлющего рассказывания. При этом рассказывание для него лично вовсе не было односторонним историческим процессом.

Предметно-теоретическая реконструкция публикаций 1960-х – начала 1980-х гг. позволяет говорить о сочетании отчуждения и самоотчуждения в научном творчестве А.И. Козлова. Это объяснимо, прежде всего, через авторскую историческую рефлексию в отношении Октябрьской революции и советской власти. Означает ли это, что Александр Иванович в столь консервативном времени для научного поиска 1960-х – начала 1980-х гг. смело отказался от идеалов Октября? Отнюдь нет! Он сюжетно в своих работах активно использует историко-политологический подход, как раз уделяющий первостепенное внимание вопросам взаимодействия казачества с властью, политике рассказывания, и т.п. Одновременно на исходе отмеченного периода научного творчества чувствуется эволюция А.И. Козлова в сторону социально-экономических оснований в логико-научном доказательстве избранных локусов исторического повествования.

Думается, вследствие избыточного акцента советской исторической науки на задачах теоретического и конкретно-фактологического обоснования беспрецедентно популярных в этот период идей революционизма и силовых сценариев макроэкономических трансформаций, А.И. Козлов остановился в своем исследовательском развитии как историк Октября. Его даже какое-то время устраивала жесткая замкнутая система теоретических догматов и упрощенной онтологии. Несомненно, это непосредственно связано с его административно-управленческой деятельностью как декана исторического факультета Ростовского государственного университета (1976–1984 гг.), а позже заведующего кафедрой истории СССР советского периода. Он был жестким администратором, но назвать его бездушным бюрократом мы не можем. Его деканство на истфаке РГУ совпадает с сохранением мощного научно-педагогического потенциала и расцветом блестящих имен целой плеяды ученых ростовской исторической научной школы, к которой принадлежали: Н.А. Акимкина, Е.И. Демешина, Ю.П. Денисов, В.А. Золотов, Ю.В. Кнышенко, М.А. Люксембург, Е.Н. и Э.Д. Осолковы, В.С. Панченко, Я.А. Перехов, А.П. Пронштейн, Ю.И. Серый, К.А. Хмелевский и др. Личные отношения А.И. Козлова с рядом ростовских ученых ровными никак не назовешь, но эта биографическая страница к нашему повествованию жесткого императивного отношения не имеет. Руководствуясь принципами логотолерантности, мы считаем возможным обойти эти сюжеты, хотя сам А.И. Козлов порой в научном противостоянии был довольно непреклонен при всей его настроенности к ведению научных дискуссий.

И вот здесь происходит как раз то, что мы называем самоотчуждением. Александр Иванович, будучи одним из лидеров ростовской исторической школы, предпринимает попытку обособления казакovedения как отдельного научного направления в исторической регионалистике. Причем, данная попытка предпринимается на основе создания площадки для научных дискуссий, в качестве которой А.И. Козлов считал проведение Всесоюзных конференций по истории казачества. Это был исключительный личностный выбор. В результате ключевыми событиями в этом научно-исследовательском повороте для него становятся первая казачья Всесоюзная научная конференция «Казачество в Октябрьской революции и Гражданской войне» в Черкесске (12–13 ноября 1980 г.) и статья в академическом журнале «Вопросы истории» с характерным для того времени названием «Октябрь и казачество Дона, Кубани и Терека» [6]. Именно они могут считаться одной из начальных ступеней в развитии современного российского исторического казакovedения.

В вышеназванной журнальной статье в 1981 г. Александр Иванович доказывает незначительность удельного веса бедняцкой прослойки среди казачества и соответственно невысокой степени революционности основной его массы накануне и в ходе Великой Октябрьской социалистической революции. В условиях господствовавшей тогда в исторической науке точки зрения об исключительной победоносности идей Октября исследовательские подходы А.И. Козлова были знаковым сюжетом для научного сообщества.

«При строгой научной оценке фактов острой, вооруженной классовой борьбы, вылившейся в казачьих районах в ходе социалистической революции в Гражданскую войну, – правомерно писал он в логике складывавшейся советской историографии, – становится совершенно очевидно, что различные слои казачества в силу своей мелкобуржуазной социальной природы не могли избежать ошибок на крутом повороте истории, не могли не поддаться обману буржуазии и ее пособников... Обретенный трудящимися слоями казачества в ходе революции и Гражданской войны опыт имел для них историческое значение. Он позволил и середняку, занявшему в период триумфального шествия Советской власти, когда социалистическая революция решала в деревне общедемократические задачи, позиции нейтралитета, но тогда еще не сделавшему своего окончательного выбора, впоследствии стать на единственно верный для него путь – путь строительства социализма» [6, с. 32–33].

Вне всякого сомнения, исследовательский поворот совершался в рамках социально-классового подхода к анализу казачества. Александр Иванович рассматривал казачество как военно-служилое сословие, социально-правовое положение которого позволяло ему обеспечивать довольно высокий жизненный уровень. Социально-экономические сюжеты надолго увлекли ученого, и он объяснял, как и почему казачество постепенно перешло на сторону советской власти. В самом центре его исследовательского внимания оказалось трудовое казачество. Историческая матрица крестьянина-середняка с некоей казачьей спецификой становится у него доминирующей парадигмальной конструкцией. Социально-экономическая парадигма, сочетавшая в себе традиционные диалектико-материалистические подходы с категориально-понятийными изысками и поисками новых исторических фактов, подтолкнула А.И. Козлова, на наш взгляд, к двум принципиальным историческим сюжетам. Во-первых, он скрупулезно попытался разобраться в том, что же такое расказачивание: историческая случайность или целенаправленная политика правящей партии, и кто персонально в большевистском руководстве дал старт этой

жесткой политической кампании [7]. Он раскрывает механизмы деятельности партийного аппарата и показывает сущность формирующейся номенклатуры. Во-вторых, мы видим обстоятельный социально-экономический анализ казачьей окраины России и получаем детальное конкретно-историческое разъяснение, почему в казачьих регионах казаки к 1917 г. уже не составляли большинства жителей, и почему был столь актуален в казачьих областях земельный вопрос. Александр Иванович правомерно подчеркивал, что, в силу исторически сложившегося и юридически закрепленного характера системы землевладения, во всех казачьих местностях подавляющая часть земельных угодий находилась в войсковой собственности. Например, Войско Донское владело 83,5 % всех земель Донской области, а в то же время коренным и иногородним крестьянам принадлежало лишь 10 % земли [8, с. 21–24].

Примечательным фактом научного творчества Александра Ивановича является его трогательное отношение к однажды поднятой им научной проблеме. Скажем, более двадцати лет (с 1963 г. до второй половины 1980-х гг.) его активно занимали исторические сюжеты, непосредственно связанные с Октябрьской революцией. В 1985 г. он с перипетиями в преодолении цензуры выпустил в издательстве Ростовского государственного университета книгу «Во имя революции. (Потопление Черноморского флота по приказу В.И. Ленина в 1918 г.)» [9]. Означает ли это, что после выхода знаковой публикации он вовсе отходил от увлекшей его темы исследования?! Отнюдь нет. Он, так или иначе, связывал свои последующие научные работы с предыдущими. Какие-то интересовавшие его проблемы находили отражение в научных поисках учеников. За свою творческую биографию он подготовил свыше 40 кандидатов и докторов наук. Тем не менее проблемы истории казачества оставались, пожалуй, его главной исследовательской нишей, где весьма продолжительное время ему трудно было найти равных по масштабу понимания казачеведческих проблем, по глубине знания исторических фактов, по авторитетности высказываемых суждений, по определению перспектив научных изысканий. Донское казачество не менее двух десятилетий было прямо связано с именем А.И. Козлова.

Козлов прямо и без обиняков писал в одной из последних работ, что «в решающей степени неудачи возрожденчества – результат отсутствия четких представлений о социальной природе казачества, особенно у многих претендентов на роль его руководителей [10]. При этом Александр Иванович понимал социальные реальности современного казачьего движения, но у него и здесь была «своя колея». Он настаивал на том, что надо бы трезво и объективно разобраться, предельно гласно и свободно, с привлечением широкой общественности повести честный разговор о казачьем возрождении, выслушать специалистов, в том числе тех, кто думает иначе, нежели нынешние казачьи верхи и новые атаманы: «Лишь обстановка откровенной дискуссии позволит отделить зерна от плевел, выбросить шелуху и мифотворчество, разработать научно взвешенную, обоснованную концепцию об использовании казачьего потенциала, отвечающую интересам казаков и всей страны. Только тогда казачье движение прекратит бег на месте и действительно двинется вперед» [11, с. 467]. Он готов был слушать, слышать и дискутировать, но такое желание часто отсутствовало у противоположной стороны.

На наш взгляд, именно стремление к осмыслению процессов возрождения казачества предстает отдельным сюжетом в творчестве А.И. Козлова. При его активной поддержке и под его редакцией издали два сборника, посвященные этой проблема-

тике, в рамках подготовки V Международной (Всероссийской) научной конференции (Ростов н/Д., 26–29 сентября 1995 г.). Один вышел двумя изданиями накануне конференции [12–13], а второй опубликовали уже по итогам научного форума [14]. Кроме того, следует отметить его обстоятельную монографию «Возрождение казачества: история и современность (эволюция, политика, теория)» [15], выпущенную в 1996 г. в издательстве Ростовского государственного университета.

В монографии о возрождении казачества с использованием метода ретроспективного анализа А.И. Козлов предпринял попытку теоретического осмысления вопросов происхождения казачества, раскрыл процессы его сложной исторической эволюции, особое внимание уделил драматической судьбе казачества в XX в., представил личностное понимание современного социально-политического положения казачества, охарактеризовал возможные варианты путей возрождения феноменального социального явления. Книга содержит критический анализ сложившейся историографии по проблеме, детализированное рассмотрение политики прошлого и настоящего в отношении казачества, предлагает авторские ответы на многие спорные и дискуссионные вопросы казачеведения. В содержательном отношении автором монография поделена на 10 относительно небольших, но разновеликих по объему разделов с красноречивыми названиями: 1) Неприятные вопросы без ответов; 2) Чего же ждать от казаков? 3) В кривом зеркале; 4) На изломах истории; 5) Каким быть казачеству? 6) Казаки – нация, сословие? 7) Откуда есть, пошли и кто такие казаки; 8) Воскресение; 9) Главные составляющие возрождения; 10) Последнее – не по важности. Седьмой раздел «Откуда есть, пошли и кто такие казаки» имеет следующую внутреннюю структуру: 7.1 – Возникновение субэтноса; 7.2 – Трансформация в военное сословие; 7.3 – Казачье войско как система; 7.4 – Расказачивание; 7.5 – Возрождение. Также детализированной внутренней структурой представлен в монографии девятый раздел под названием «Главные составляющие возрождения», где только три параграфа: 9.1 – Землевладение и землепользование; 9.2 – Культура; 9.3 – Власть и управление. Вспомогательный научно-справочный аппарат книги включает два раздела: Приложения и Именной указатель. Такая своеобразная структура работы и позиционирующие взгляды автора формулировки названий разделов ориентируют последователей мэтра ростовской научной исторической школы в мире казачеведения.

В своей монографии А.И. Козлов делает ряд принципиальных выводов, на которые следует обратить внимание. Чтобы распутать многочисленные историографические узлы и освободить исследование истории казачества от накопившихся исторических мифов, он обращается к постулатам теории этногенеза Л.Н. Гумилева, положения которой, как считал А.И. Козлов, создают надежные предпосылки к изучению проблемы происхождения этносов, как в целом, так и применительно к отдельным социально-этническим объектам, «в том числе, разумеется, по отношению к казачеству, ибо оно стоит в общем ряду групп и коллективов этнического порядка» [15, с. 52–53]. В итоге А.И. Козлов делает вывод, что «пока вопрос, кто такие казаки – народ или сословие – остается открытым, изученность его пребывает в зачаточном состоянии, он больше запутан, чем распутан» [15, с. 53].

На примере отношения Александра Ивановича к бродницкой теории происхождения казачества прослеживается его внимание к исследовательским наработкам своих коллег: «Бродницкая версия происхождения казачества, безусловно, содержит ряд любопытных наблюдений, но в целом она, при всей ее заманчивости и при-

влекательности, не особенно убедительна. Вся ее аргументация преимущественно вращается вокруг косвенных свидетельств, к тому же почерпнутых из вторых или даже третьих рук. Н.А. Мининков, исследовав проблему, пришел к заключению, что след, оставленный бродниками, был крайне незначительным [16, с. 87]. Разумеется, такой вывод вовсе не следует рассматривать как отрицание самой гипотезы о бродниках. Точнее всего, это призыв к более основательной ее разработке, которая только и способна сформулировать окончательные выводы» [15, с. 57].

Критически в монографии А.И. Козлова оценивается и миграционно-колониционная теория, считающая казачьими предками свободолюбивых выходцев из Русского и Польско-Литовского государства, часто бежавших на окраины государственных образований от феодальной кабалы. Господство этой теории в российской, а затем в советской историографии Александр Иванович интерпретирует в рамках политологического подхода, ведь она «в предельно выраженном виде отвечала имперским устремлениям самодержавия и планетарным целям носителей идей мировой революции, ассимиляторским методам и установкам тех и других» [15, с. 62]. Однако после вынесения такого жесткого итогового суждения, А.И. Козлов вовсе не игнорирует социальной реальности миграционно-колониционного процесса, сыгравшего важную роль в становлении казачества. Этнологический сюжет в монографии привязан хронологически к XVII в., когда, по мнению Александра Ивановича, казачья масса вступила в полосу этнообразующего процесса, приблизившего казаков к уровню субэтнуса [15, с. 72]. Как подчеркивал А.И. Козлов, весь смысл жизни казаков и их семей в Российской империи определялся военной службой, поэтому этническая сторона не играла существенной роли. Принадлежность к военно-служилому сословию автоматически указывала на его историческое и социальное место в российском сообществе [15, с. 117]. Дословно автор монографии фиксирует внимание читателя на том, что социальное бытие и облик казаков окутывал «толстый слой сословной окраски, через который едва-едва пробивались субэтнические черты». В казачестве исторически довольно сложно «переплелись, образуя неразрывное единство, два начала – этническое и сословное, субэтнос и сословие» [15, с. 131]. В итоге образовался «социосубэтнос», и он, по мнению А.И. Козлова, не имеет полных аналогов во всемирной истории, а потому феномен казачества совершенно уникален. И, конечно же, Александр Иванович не мог пройти мимо истоков возникновения политики расказачивания в годы становления советской власти. Кровавые расправы в станицах, как убежденно считал А.И. Козлов, явились выражением генеральной линии политики большевиков по отношению к казачеству, идейно-теоретические основы которой были разработаны лично В.И. Лениным и его ближайшими соратниками, и они «отлились в непререкаемые догмы о казаках как становом хребте вандейских сил в России» [15, с. 132].

На монографию А.И. Козлова «Возрождение казачества: история и современность (эволюция, политика, теория)» вышла весьма обстоятельная рецензия в журнале «Вопросы истории» профессора К.А. Хмелевского [17], большого знатока истории Гражданской войны, известного специалиста по казачьей проблематике, научного руководителя А.И. Козлова по защищенной им кандидатской диссертации. Мы во многом согласны с опубликованными оценками рецензента, и в настоящей статье их использовали, хотя по-своему многие вещи интерпретировали. Константин Абрамович в рецензии делает следующий вывод: «Отдельные соображения и прогнозы автора относительно начавшегося возрождения казачества могут быть

оспорены. Однако главное здесь, как и во всей книге, составляет подлинно объективный, лишенный политических спекуляций и мифологем подход. В современной России, считает автор, есть возможности для развития казачьего субэтноса. Не возрождение сословности, а продвижение по линии экономики, науки и культуры позволит восстановить утраченные и обрести новые качества казачества, которые помогут ему стать этносом [15, с. 141]. Этот вывод дает пищу для размышлений, стимулирует дальнейшие исследования этой сложной проблемы» [17, с. 156].

Отдельного внимания в научном творчестве А.И. Козлова заслуживает биографическая тема, порой на длительное время увлекавшая его настолько, что иногда казалось, он буквально дышит личностными сюжетами своего очередного исторического визави. В ряду исторических фигур, к которым обращался мэтр: А.И. Деникин, Б.М. Думенко, А.М. Каледин, Л.Г. Корнилов, П.Н. Краснов, В.И. Ленин, И.В. Сталин, М.А. Шолохов и многие другие. Большинство из этих исторических деятелей, так или иначе, оказывались связаны с казачеством.

По-разному к ним относился сам Александр Иванович. Принципиально осуждая казачий коллаборационизм, неоднократно обращаясь к этому сложному историческому сюжету в рамках авторских суждений о Великой Отечественной войне, он считал П.Н. Краснова фашистским прихвостнем и довольно жестко характеризовал этого донского атамана. «В решающий час, когда на волоске висела судьба Отчизны, – писал А.И. Козлов, – он сознательно и расчетливо, играя на объяснимой обиде казаков, сбил с пути неискушенную в политике и просто неграмотную их часть, толкнув ее на путь предательства» [11, с. 526–527]. Тем самым, Александр Иванович категорически осуждал любые попытки героизации П.Н. Краснова как «истинного и непримиримого борца с большевизмом и невинной жертвы несправедливого политического режима», выступал против любой формы его вероятностной реабилитации.

Известно, что сам А.И. Козлов как человек и ученый долгое время буквально боготворил И.В. Сталина. Не оправдывая нашего коллегу и Учителя, все же заметим, что в тот исторический период не могло быть иначе, ибо его становление как личности проходило в сложные послевоенные годы. Конечно же, полученное военное образование тоже оказало соответствующее влияние. Тем не менее Александр Иванович сумел найти силы и переломить себя. Сталинскую проблематику А.И. Козлов развил в большой монографии «Сталин: борьба за власть» [18], вышедшей в издательстве Ростовского государственного университета в 1991 г., где он показал деятельность ближайших сподвижников В.И. Ленина: Л.Д. Троцкого, В.А. Антонова-Овсеенко, Л.П. Серебрякова, Е.А. Преображенского, Г.Л. Пятакова и др., репрессированных Сталиным и осужденных как «враги народа».

Среди множества работ, изданных в последние два десятилетия и посвященных жизни и творчеству М.А. Шолохова, особое место занимает обстоятельная монография Александра Ивановича Козлова [19], благодаря примененному инновационному научному подходу к изучаемой проблеме, заключающемуся в целевом установлении явных связей и отчетливых зависимостей между созданным великим донским писателем литературным миром и миром реальным, современным ему. По справедливому замечанию А.И. Козлова, художественная сторона романов М.А. Шолохова самым детальнейшим образом подвергнута исследованию многочисленных любителей и специалистов-шолоховедами, а вот конкретно-историческая обстановка, в которой жил и творил великий донской писатель, нуждается в даль-

нейшем углубленном научном анализе. Между тем, именно окружавшая художника жизненная среда, социокультурная повседневность и идейно-политическая обстановка оказывали определяющее влияние на его творчество, и потому, действительно, «для суждений о деятельности любого творца, в данном случае М.А. Шолохова, необходимо конкретное знание того времени, в котором ему приходилось творить, воссоздание основных параметров, определявших атмосферу общества, настроения, психологию, нравственные устои его сограждан вообще и каждого его члена в отдельности» [19, с. 327]. Подобного рода задача не может быть в полной мере выполнена авторитетным биографом, или же специалистом-литературоведом. Здесь необходимы профессиональные знания и навыки повествования ученого-историка, как раз в силу специфики своей деятельности ориентирующегося, прежде всего, на поиск и установление закономерностей и особенностей общественного развития, на глубокое и всестороннее освещение определенной исторической эпохи. Так понимал свои исследовательские задачи сам Александр Иванович в отношении литературного творчества М.А. Шолохова.

В содержательном плане в исторической монографии А.И. Козлова отчетливо выделяются и раскрываются две крупные исследовательские проблемы, – рассказывание и раскрестьянивание, – освещению которых посвящена большая часть работы. Иначе и быть не могло, поскольку, во-первых, Гражданская война, сопровождавшаяся массовыми репрессиями против казачества, и коллективизация, соединившая в себе и рассказывание, и раскрестьянивание, безусловно, выступают в ряду важнейших, знаковых исторических явлений советской эпохи, без которых наши нынешние представления об этом периоде страдают известной фрагментарностью. Во-вторых, в литературных произведениях М.А. Шолохова вольно или невольно самое пристальное внимание уделено именно трагедии казачества и крестьянства Дона, когда казаки и крестьяне, к сожалению, оказались не в состоянии хотя бы как-то ненадолго приостановить «социалистический модернизационный каток», когда прежний социальный опыт уже никого не спасал, когда их просто раздирали внутренние противоречия, когда мысли и чувства находились в отчаянной ситуации непонимания происходящего, когда конфликт интересов был практически неизбежен и по определению оказывался проигран в пользу императивного начала власти.

Историческая картина рассказывания раскрывается М.А. Шолоховым в романе «Тихий Дон», где писатель с потрясающей смелостью указал на чудовищную жестокость большевиков по отношению к жителям донских станиц. Через исторический анализ этих сюжетов А.И. Козлов показывает, что рассказывание выступило не эволюционным преодолением неких сословных предрассудков, а прямым насилием власти над народом, над его традиционным жизненным укладом, над его выстраданной болью, над его глубинной культурой, над его реальными историческими заслугами перед Россией. Это была долговременная политика формирования советских фигур умолчания, групповой мести одних людей другим, политика полного стирания имени (этнонима) в национальной истории. Особое внимание А.И. Козлов уделит прототипу Григория Мелихова – Харлампии Ермакову (о нем Александр Иванович вначале опубликовал большую работу в третьем выпуске «Казачьего сборника» [20]), который своей славной жизнью и трагической смертью являет пример печальной участи казаков в Советской России. Выводы и суждения автора о Харлампии Ермакове оригинальны и основаны на массе архивных

материалов. В частности, нам представляется правомерным объяснение исследователем причин того, почему Харлампий Ермаков достаточно часто появляется на страницах «Тихого Дона» при описании Вешенского восстания донских казаков и почему он вдруг исчезает после Новороссийска, поступив на службу к красным [19, с. 124–133]. Действительно, логичнее всего данные сюжеты объясняются тем, что М.А. Шолохов вел негласную борьбу с советскими службами безопасности, доказывая на страницах романа полную надуманность выдвинутых обвинений против Харлампия Ермакова (был очень жесток по отношению к пленным красноармейцам и матросам, командовал дивизией и пр.), которого он хорошо знал лично [19, с. 125]. Исчезновение же Харлампия Ермакова со страниц романа после Новороссийска исчерпывающим образом объясняет тот факт, что «к боевому пути Ермакова в составе Красной армии у органов ОГПУ не нашлось претензий» [19, с. 132], и, следовательно, М.А. Шолохов мог пропустить такие сведения из биографии уважаемого на Дону героя-казака. Проанализировав большой массив исторических источников, А.И. Козлов уточнил сведения о «служивском пути» [19, с. 23] Харлампия Ермакова и с полным основанием опроверг утверждения шолоховедов о «зверствах» последнего во время боев с красными, справедливо указав, что исследователей подвело не критическое восприятие обвинительного заключения, состряпанного работниками ОГПУ против Харлампия Ермакова [19, с. 132–133]. Думается, вполне убедительно выглядит и авторское мнение А.И. Козлова о том, почему писатель не продолжил сюжетную линию о судьбе Григория Мелехова [19, с. 132]. Здесь сказались не только трагизм развернувшихся в 1930-х гг. событий (коллективизация, массовый голод и террор), которые гениальный демиург лично тяжело переживал и которые препятствовали его творческой писательской активности. Сыграл свою роль и расстрел Харлампия Ермакова в 1927 г., как теперь выяснилось, по совершенно ложному обвинению. Гибель реального прототипа поставила точку и на литературной жизни Григория Мелехова.

Нам представляется наиболее значимым обращение А.И. Козлова к роману «Поднятая целина» – одному из лучших художественных произведений о коллективизации советской деревни, о «раскулачивании», раскрестьянивании и расказачивании как составном компоненте осуществленного большевиками глобального насильственного социального эксперимента по социалистическому преобразованию традиционного крестьянства. Вовсе не случайно внимание А.И. Козлова приковано к тайной повстанческой организации Александра Степановича Сенина, послужившего реальным прототипом для шолоховского литературного героя – есаула Александра Анисимовича Половцева. На знаковых материалах ведомственного архива УФСБ по Ростовской области исследователь убедительно доказал, что противниками коллективизации были вовсе не мифические кулаки, а самая что ни на есть трудолюбивая, рачительная часть крестьянства; советская же власть воевала в деревне не с «классовыми врагами» рабочих и крестьян, а с самими крестьянами, ведя войну на уничтожение с собственным народом. Об этом непреложно свидетельствуют результаты проведенного А.И. Козловым анализа социального состава организации А.С. Сенина, подавляющее большинство членов которой составляли середняки (62 человека), то есть самые что ни на есть настоящие, истинные крестьяне. Помимо середняков, в организацию также входили 11 бедняков, 1 рабочий, 1 служащий, 1 священник. Что же касается тех, кого советская пропаганда именovala кулаками и зажиточными, то таковых в организации оказалось 20 человек, при-

чем, только 9 из них охарактеризованы ОГПУ как «бывшие зажиточные» и «бывшие кулаки» [19, с. 263]. В этом случае, по ироничному замечанию А.И. Козлова, ОГПУ просто навешивало на обвиняемых «дохлых собак» [19, с. 331], то есть припоминало мнимые прошлые прегрешения, чтобы придать вес обвинению или, в других случаях, чтобы хоть как-то оправдать свои неправомерные действия «классовой чуждостью» лиц, против которых это обвинение было выдвинуто.

Раскрестьянивание по М.А. Шолохову в интерпретации А.И. Козлова выступает как долговременная социально-политическая акция по советизации социальной группы крестьянства (превращению его в сторонников советской власти), перераспределению социальной власти на местах и объектов собственности между самими крестьянами, между крестьянами и новыми партийно-советскими управленцами, унификации форм сельскохозяйственного производства и жизненного уклада. Раскрестьянивание осуществлялось преимущественно методами массового террора. Раскрестьянивание на Дону практически неотделимо от расказачивания.

Можно ли в рамках одной статьи полностью исчерпать тему «А.И. Козлов и казачество»? Безусловно, нет. Однако для нас очевидно, что эпистема казачества в научном творчестве Александра Ивановича на протяжении четырех десятков лет проделала очень заметную эволюцию от исключительно контрреволюционной силы до трудового казачества, а затем к социально-классовой группе, имеющей весьма значительный социально-экономический потенциал для своего развития. Готов ли был мэтр признать в современном казачестве этническую составляющую? Думаем, нет. Но он совершенно искренне переживал по поводу противоречивого протекания процессов возрождения казачества и сожалел, что его так и не поняли после нашедшей тогда статьи «Ряженые» в журнале «Родина» [21].

Профессор А.И. Козлов, как историк, писал ярко, самобытно, порой осознанно вступал в многоцветную область художественного вымысла. Однако его литературные пассажи опираются на конкретно-исторический материал. Исследовательские умозаключения осмысленно помещаются в ткань **живаго** русского языка с его полифоничным звучанием, с его динамикой и статикой, с его чувственным переживанием и метафорическими образами, с его текстом, непременно с подтекстом и обязательно с контекстом, с его одномоментными совершенством и несовершенством, с его победным ликованием и трагическим поиском смысла, открывающим неограниченные возможности для глубокого осмысления жизнедеятельности действительно великой исторической фигуры, каких он описал немало. Александр Иванович к месту употреблял «живые выражения», например, «строеросовая российская дубина», «четыреххвостка» в отношении всеобщего, равного и тайного голосования, и др. [2, с. 58, 76].

В своем научном творчестве Александр Иванович с разных сторон подходил к казачеству, внимательно рассматривал его в избранном для исследования контексте, совершая замечательные экскурсии в хронологически отдаленные друг от друга исторические эпохи. Можно отчаянно спорить с ним, не соглашаться с предложенной логикой его суждений и выводов, но ему никак нельзя отказать в очень искреннем стремлении понять исторический феномен казачества, в заинтересованном поиске все новых и новых исторических фактов о казачестве, в непременном наличии четкой авторской позиции по любому сюжету, какой бы он не излагал в своих научных и научно-популярных публикациях. «Как нередко бывало

в прошлом... – писал А.И. Козлов, – чиновники, паразитируя, являются своего рода удавкой на шее казачества, а подпевалы бюрократов всегда находятся» [11, с. 544].

Для нас имя Александра Ивановича Козлова отчасти является личной историей. Познакомившись с ним при обучении в аспирантуре Ростовского государственного университета (1986–1989 гг.), мне довольно длительное время приходилось общаться только в пределах обычного приветствия коллег по цеху и общих разговоров накоротке. Более предметными наши отношения стали в ходе развернувшейся подготовки к V Международной (Всероссийской) научной конференции (26–29 сентября 1995 г.) и в связи выходом в том же 1995 г. коллективной монографии «Казачий Дон: очерки истории» в двух томах [22–23], где волею творческих судеб нам удалось плодотворно два года поработать над ней в качестве научного редактора, а А.И. Козлов с удовольствием получил результат нашего труда в виде двух книг с множеством иллюстраций. Особенно мы сблизились в последние годы жизни Александра Ивановича. Незадолго до смерти вышла его книга «Каменистыми тропами» [11], в которой он подвел итоги своей научно-исследовательской и учебно-методической работы, и для меня остался приятным воспоминанием лично подаренный А.И. Козловым экземпляр. Несколько встреч у нас было в его ростовской квартире, но самой запоминающейся для меня стала беседа у него на даче (в домике) в станице Старочеркасской, где его хлебосольная супруга Вера Сергеевна всё стремилась угостить приготовленными блюдами и дарами местной природы. Мы сидели с Александром Ивановичем тогда, в августе 2008 г., рядом с его рабочим столом, заваленном книгами, газетами, фрагментами рукописей, газетными вырезками, и более двух часов дружески беседовали. Он дал свое согласие выступить рецензентом по моей монографии «Многоликость казачества Юга России в 1930-е годы: Очерки истории» [24], которая находилась в завершающей стадии подготовки. Но самым главным для меня биографическим событием явилась поддержка Александра Ивановича моих творческих планов по развертыванию монографии во вторую докторскую диссертацию по историческим наукам, когда он согласился выступить научным консультантом. Это было совершенно так неожиданно для меня, и было очень приятно, не скрою, уезжать из станицы Старочеркасской воодушевленным мудрым напутствием мэтра ростовской исторической научной школы. Мы встречались и обстоятельно беседовали с А.И. Козловым за три месяца до его ухода из жизни. Он предложил написать мне совместную статью по проблематике казачьего возрождения, которую позже полагал развернуть в брошюру, или даже монографию. Согласование плана-проспекта научной работы мы наметили на январь 2009 г., «после праздников», когда он рассчитывал закончить ранее намеченные дела. Увы, этим планам не суждено было сбыться. Статью не написали, а моим научным консультантом по докторской диссертации по историческим наукам стал декан исторического факультета Ставропольского государственного университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор исторических наук, профессор А.А. Кудрявцев, хорошо знавший А.И. Козлова. После ухода из жизни Александра Ивановича мы много лет поддерживали добрые отношения с Верой Сергеевной Козловой, практически до самой ее смерти, и в наших с ней разговорах за непременно чаем в ростовской квартире (ул. Садовая, 142, кв. 20) Александр Иванович всегда оставался центральной темой: она стремилась максимально сберечь его творческое наследие, обязательно переиздать кни-

гу о М.А. Шолохове с включением всех материалов (общим объемом около тысячи страниц), которые Александр Иванович успел дополнительно наработать.

Эволюция эпистемы казачества в научном творчестве известного ученого показывает, что и в самом избранном предмете для научного анализа далеко не все понятно и однозначно. Это довольно противоречивое историческое явление еще долго будет занимать умы исследователей. Совершенно ясно лишь одно: разобраться в том, что есть такое казачество невозможно без обращения к работам мэтра донской исторической научной школы – заслуженного деятеля науки Российской Федерации, действительного члена Академии военных наук, доктора исторических наук, профессора Александра Ивановича Козлова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Козлов А.И. Борьба за власть Советов в Черноморской губернии (1917–1920 гг.): автореф. дис. ... канд. истор. наук. Ростов н/Д., 1965. 18 с.
2. Козлов А.И. Антон Иванович Деникин (человек, полководец, политик, ученый). М.: Собрание, 2004. 440 с.
3. Скорик А.П. Белый свет для белого генерала Деникина (о монографии А.И. Козлова «Антон Иванович Деникин – человек, полководец, политик, ученый». М., 2004. 440 с.) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2005. № 1. С. 112–113.
4. Козлов А.И. Социально-экономические, политические отношения и классовая борьба на юго-востоке Европейской России накануне Октября: дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.02. Ростов н/Д., 1978. 443 с.
5. Козлов А.И. На историческом повороте. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1977. 214 с.
6. Козлов А.И. Октябрь и казачество Дона, Кубани и Терека // Вопросы истории. 1981. № 3. С. 20–33.
7. Козлов А.И. Рассказывание // Родина. 1990. № 6. С. 64–71; № 7. С. 43–47.
8. Козлов А.И. Казачья окраина России. Ростов н/Д.: МГП «Гаудеамус-XXI», 1992. 40 с.
9. Козлов А.И. Во имя революции: (Потопление Черноморского флота по приказу В.И. Ленина в 1918 г.). Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1985. 221 с.
10. Козлов А.И. О сущности возрождения казачества // Казачество Юга России в процессах становления и развития российской государственности: тез. регион. науч.-практ. конф. (г. Урюпинск, 26–29 апреля 2007 г.). Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007. С. 46–52.
11. Козлов А.И. Каменистыми тропами... Исторический очерк. Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2008. 576 с.
12. Возрождение казачества: история и современность: мат-лы к V Всерос. (Междунар.) науч. конф.: сб. науч. статей / Новочеркас. гос. техн. ун-т; Ростов. гос. ун-т. Новочеркасск: НГТУ, 1994. 127 с.
13. Возрождение казачества: история и современность: сб. науч. ст. к V Всерос. (Междунар.) науч. конф. [сентябрь 1995 г. / редкол.: А.П. Скорик (отв. ред.) и др.]. 2-е изд., испр. и доп. Новочеркасск: НГТУ, 1995. 163 с.
14. Возрождение казачества: (История, современность, перспективы): тезисы докладов, сообщений, выступлений на V Междунар. (Всерос.) науч. конф. [26–29 сентября 1995 г. / отв. ред. А.И. Козлов]. Ростов н/Д.: Логос, 1995. 98 с.
15. Козлов А.И. Возрождение казачества: история и современность (эволюция, политика, теория). Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1996. 248 с.
16. Мининков Н.А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья, до 1671 г.: в 2-х т.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Ростов н/Д., 1995. 761 с.
17. Хмелевский К.А. [рец. на:] А.И. Козлов. Возрождение казачества: история и современность (эволюция, политика, теория). Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1996. 248 с. // Вопросы истории. 1997. № 12. С. 155–156.
18. Козлов А.И. Сталин: борьба за власть. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1991. 412 с.
19. Козлов А.И. М.А. Шолохов: Времена и Творчество. По архивам ФСБ. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 2005. 480 с.
20. Козлов А.И. Хроника трагедии Харлампия Ермакова (или документальный эпилог «Тихого Дона»). По материалам ФСБ // Казачий сборник / отв. ред. Е.И. Дулимов. Ростов н/Д.: Донской юрид. ин-т, 2002. Вып. 3. С. 86–216.
21. Козлов А.И., Козлов А.А. Ряженые. Возрождение казачества: мифы и реалии // Родина. 2004. № 11. С. 11–14.

22. Казачий Дон: Очерки истории. Ч. I. / под ред. А.П. Скорика. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского облИУУ, 1995. 192 с.

23. Казачий Дон: Очерки истории. Ч. II. / под ред. А.П. Скорика. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского облИУУ, 1995. 208 с.

24. Скорик А.П. Многоликость казачества Юга России в 1930-е годы: очерки истории. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2008. 344 с.

REFERENCES

1. Kozlov A.I. 1965. *Bor'ba za vlast' Sovetov v Chernomorskoj gubernii (1917–1920 gg.)* [The struggle for Soviet power in the Black Sea Province (1917–1920)]. PhD Abstract. Rostov-on-Don. 18 p.

2. Kozlov A.I. 2004. *Anton Ivanovich Denikin (chelovek, polkovodec, politik, uchenyj)* [Anton Ivanovich Denikin (man, commander, politician, scientist)]. Moscow, Sobranie. 440 p.

3. Skorik A.P. 2005. Review: White light for the white General Denikin (about Kozlov's monograph A.I. Anton Ivanovich Denikin – a man, commander, politician, scientist. Moscow, 2004. 440 p.). *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Severo-Kavkazskij region. Obshchestvennye nauki* [News of higher educational institutions. The North Caucasus region. Social sciences]. No. 1. P. 112–113.

4. Kozlov A.I. 1978. *Social'no-ekonomicheskie, politicheskie otnosheniya i klassovaya bor'ba na yugo-voštoke Evropejskoj Rossii nakanune Oktyabrya. Dissertaciya ... doktora istoricheskikh nauk* [Socio-economic, political relations and class struggle in southeastern European Russia on the eve of the October Revolution. SciD Thesis]: 07.00.02. Rostov-on-Don. 443 p.

5. Kozlov A.I. 1977. *Na istoricheskom povorote* [At a historical turn]. Rostov-on-Don: Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta. 214 p.

6. Kozlov A.I. 1981. The October Revolution and the Cossacks of the Don, Kuban and Terek. *Voprosy istorii* [History issues]. No. 3. P. 20–33.

7. Kozlov A.I. 1990. *Raskazachivanie*. Rodina [Homeland]. No. 6. P. 64–71; No. 7. P. 43–47.

8. Kozlov A.I. 1992. *Kazach'ya okraina Rossii* [The Cossack outskirts of Russia]. Rostov-on-Don, MGP "Gaudeamus-XXI". 40 p.

9. Kozlov A.I. 1985. *Vo imya revolyucii: (Potoplenie Chernomorskogo flota po prikazu V.I. Lenina v 1918 g.)* [In the name of the Revolution: (The sinking of the Black Sea Fleet by order of V.I. Lenin in 1918)]. Rostov-on-Don, Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta. 221 p.

10. Kozlov A.I. 2007. On the essence of the renaissance of the Cossacks. *Kazachestvo Yuga Rossii v processah stanovleniya i razvitiya rossijskoj gosudarstvennosti. Tezisy regional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii, g. Uryupinsk, 26–29 aprelya 2007 g.* [The Cossacks of Southern Russia in the processes of formation and development of Russian statehood. Abstracts of the regional scientific and practical conference, Uryupinsk, April 26–29, 2007]. Volgograd: Izdatel'stvo Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. P. 46–52.

11. Kozlov A.I. 2008. *Kamenistymi tropami...* Istoricheskij ocherk [Rocky trails... A historical sketch]. Rostov-on-Don, SFU Publisher. 576 p.

12. *Vozrozhdenie kazachestva: istoriya i sovremennoost': Materialy k V Vserossijskoj (Mezhdunarodnoj) nauchnoj konferencii: Sbornik nauchnyh statej* [The Revival of the Cossacks: history and modernity: Materials for the V All-Russian (International) Scientific Conference: Collection of scientific articles]. Novocherkassk, NGTU. 1994. 127 p.

13. *Vozrozhdenie kazachestva: istoriya i sovremennoost': Sbornik nauchnyh statej k V Vserossijskoj (Mezhdunarodnoj) nauchnoj konferencii* [The Revival of the Cossacks: history and modernity: A collection of scientific articles for the V All-Russian (International) Scientific Conference (September 1995)]. Novocherkassk: NGTU, 1995. 163 p.

14. *Vozrozhdenie kazachestva: (Istoriya, sovremennoost', perspektivy): Tezisy dokladov, soobshchenij vystuplenij na V Mezhdunarodnoj (Vserossijskoj) nauchnoj konferencii* [The Revival of the Cossacks: (History, modernity, prospects): Abstracts of reports and presentations at the V International (All-Russian) Scientific Conference] [26–29 September 1995]. A.I. Kozlov (ed.). Rostov-on-Don, Logos, 1995. 98 p.

15. Kozlov A.I. 1996. *Vozrozhdenie kazachestva: istoriya i sovremennoost' (evolyuciya, politika, teoriya)* [The Revival of the Cossacks: history and Modernity (evolution, politics, theory)]. Rostov-on-Don: Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta. 248 p.

16. Mininkov N.A. *Donskoe kazachestvo v epohu pozdnego srednevekov'ya, do 1671 g.* [The Don Cossacks in the Late Middle Ages, before 1671: in 2 volumes: SciD Thesis]: 07.00.02. Rostov-on-Don, 1995. 761 p.

17. Hmelevskij K.A. [review of the monograph by A.I. Kozlov]. *Vozrozhdenie kazachestva: istoriya i sovremennoost' (evolyuciya, politika, teoriya)*. Rostov-on-Don: Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta, 1996. 248 p. [Review by:

A.I. Kozlov. The Revival of the Cossacks: history and Modernity (evolution, politics, theory)]. *Voprosy istorii* [History issues]. 1997. No. 12. P. 155–156.

18. Kozlov A.I. 1991. *Stalin: bor'ba za vlast'* [Stalin: the struggle for power]. Rostov-on-Don: Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta, 412 p.

19. Kozlov A.I. 2005. *M.A. Sholohov: Vremena i Tvorchestvo. Po arhivam FSB* [M.A. Sholokhov: Times and Creativity. According to the FSB archives]. Rostov-on-Don, Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta. 480 p.

20. Kozlov A.I., Dulimov E.I. (ed.). 2002. Chronicle of the tragedy of Kharlampy Ermakov (or the documentary epilogue of the Quiet Don). According to the materials of the FSB. *Kazachij sbornik* [Cossack collection]. Rostov-on-Don, Donskoj yuridicheskij institut. Vol. 3. P. 86–216.

21. Kozlov A.I., Kozlov A.A. 2004. Ryazhenye. The Revival of the Cossacks: myths and realities. *Rodina* [Homeland]. No. 11. P. 11–14.

22. Skorik A.P. (ed.). 1995. *Kazachij Don: Ocherki istorii. Ch. I.* [Cossack Don: Essays on history. Part I]. Rostov-on-Don. Izdatel'stvo Rostovskogo oblasnogo Instituta usovershenstvovaniya uchitelej. 192 p.

23. Skorik A.P. (ed.). 1995. *Kazachij Don: Ocherki istorii. Ch. II.* [Cossack Don: Essays on history. Part II]. Rostov-on-Don. Izdatel'stvo Rostovskogo oblasnogo Instituta usovershenstvovaniya uchitelej. 208 p.

24. Skorik A.P. 2008. *Mnogolikost' kazachestva Yuga Rossii v 1930-e gody: Ocherki istorii* [The Diversity of the Cossacks of Southern Russia in the 1930s: Essays on History]. Rostov-on-Don, SSC RAS Publisher, 344 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

СКОРИК Александр Павлович, доктор исторических наук, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры социальных и гуманитарных наук, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова, Новочеркасск, Российская Федерация.

SKORIK Alexander Pavlovich, Doctor of Historical Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Professor of the Department of Social Sciences and Humanities, Platov South Russian State Polytechnic University, Novocherkassk, Russian Federation.

E-mail: s_a_p@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1283-8137

© А.П. Скорик, 2025.

Дата поступления в редакцию: 19.03.2025.

Дата принятия статьи: 01.07.2025.